

Gullotta, A. (2019) Psevdonimy Solovetskih literatorov: voprosy istoricheskoi i tvorcheskoi biografii. In: Rusakova, E. (ed.) *Sbornik dokladov 16-h chtenii pamiati Veniamina Iofe "Pravo na imja: Biografika 20 veka"*. NIC "Memorial": St Petersburg, pp. 37-45.

The material cannot be used for any other purpose without further permission of the publisher and is for private use only.

There may be differences between this version and the published version. You are advised to consult the publisher's version if you wish to cite from it.

<http://eprints.gla.ac.uk/184546/>

Deposited on 18 April 2019

Enlighten – Research publications by members of the University of
Glasgow

<http://eprints.gla.ac.uk>

Андреа Гуллотта

Псевдонимы соловецких литераторов: вопросы исторической и творческой биографии

*Андреа Гуллотта,
Университет Глазго*

Как известно, изучение биографий жертв советских политических репрессий является сложной задачей из-за малодоступности или отсутствия архивных документов о них. Судьбы и биографии тысяч узников советских тюрем и лагерей до сих пор неизвестны – восстановить биографические сведения многих жертв на основе доступных документов невозможно. Как это ни парадоксально, часто о жертвах мы знаем лишь из информации, содержащейся в уголовных делах, расстрельных списках или анкетах, написанных жертвами при аресте, – т.е. о многих жертвах знаем лишь то, что было написано по требованию той же власти, которая их арестовала, мучила, казнила.

Еще сложнее восстановить биографические сведения жертвы, если личность скрывается за псевдонимом. Надо уточнить, что псевдонимы в контексте советских политических репрессий встречаются довольно редко: это либо псевдонимы мемуаристов, не желающих скомпрометировать своих солагерников, либо используемые в лагерных публикациях псевдонимы¹. В первом случае настоящие имена авторов всплывают со временем; во втором случае обычно такого не бывает. В общем, исследователи не изучают псевдонимы сотрудников прессы Гулага. Однако это интереснейшая и полезная работа, благодаря которой можно воссоздать не только более детальную культурную историю советских лагерей, но и несколько аспектов биографий жертв, причем аспектов не только «исторических», но и «эстетических» или «интеллектуальных».

В этом контексте чрезвычайно интересным является исследование использованных в журналах, газетах и других органах Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН) псевдонимов. Первые публикации появились в лагере уже через 6 дней после официального создания лагеря, т.е. 29 октября 1923 года – в тот день появилась стенгазета «Островок», орган печати 95-й ячейки РКП(б) ОГПУ².

С созданием лагерного журнала «СЛОН» началась традиция псевдонимов Соловецкой печати. Первый номер журнала содержал множество псевдонимов: псевдонимы-инициалы (С.К.), художественные псевдонимы (Рабин. Сандеро.), аббревиатуры (ГКРАКХ), идеологические псевдонимы (Трудовой, Пролетарка) или загадочные (Геттерас). Псевдонимы использовали во всех изданиях – такая традиция продолжалась и когда журналы и газеты лагерных Соловков стали более качественными благодаря вкладу ученых, писателей и поэтов, обладающих публицистическим даром. В двух главных органах лагеря (журнал «Соловецкие острова» и газета «Новые Соловки») немало текстов, опубликованных под псевдонимами. Наиболее типичными были «лагкорские» (т.е. псевдонимы лагерных корреспондентов) и литературные.

Но зачем заключенные советских лагерей использовали псевдонимы?

Ответ на этот вопрос, кажется, можно получить от Алексея Чекмазова в его статье в «Новых Соловках» от 26 июля 1925 (№30). Чекмазов был одним из ведущих авторов художественного коллектива «Свои» – «очага» пролетарской (уголовной) культуры, созданного в противоположность

¹ Можно в редких случаях также встретить и псевдонимы палачей или сотрудников тюремных учреждений. Например, многие циркуляры Главного управления местами заключения (ГУМЗа) подписаны «Дьябло». См.: Постановления Совнаркома РСФСР и Всеукраинского центрального исполкома и Совнаркома Украинской ССР, доклады губернских инспекций мест заключения и переписка с ними об издании газеты «Голос заключённого», об увольнении сотрудников, о периодических изданиях. ГАРФ. Ф.4042. Оп. 4. Д.63. Л.61, 118.

² Шенберг П. Соловецкая печать // Материалы СОК. №17. 1927. С.65–91.

художественному коллективу «ХЛАМ», который являлся выражением т.н. «буржуазной» культуры. Создание таких коллективов было одним из наиболее значительных моментов подпольной битвы за культурную гегемонию в Соловецком лагере, в которой участвовали противостоящие друг другу интеллигенты и пролетарии и которая возникла благодаря роли Федора Ивановича Эйхманса, начальника управления СЛОН. Эйхманс способствовал созданию культурной панорамы высочайшего уровня в Соловецком лагере, используя множество талантов и навыков заключенных, прибывших на Соловки, – об этом свидетельствуют не только мемуары, но и лагерная пресса и архивные документы³. Доминирующая позиция так называемой «соловецкой богемы» в лагере спровоцировала реакцию как подталкивающей к созданию уголовно-пролетарского искусства КВЧ (культурно-воспитательной части) лагеря, так и самих уголовно-пролетарских писателей. Спор о культуре в лагере вызвал реакцию Чекмазова, написавшего в своей статье:

Где же общественность в прессе? 25 статей, 3–4 стихотворения, 25 псевдонимов а под двадцатью пятью псевдонимами пять-шесть литераторов профессионалов⁴.

Судя по словам Чекмазова, использование псевдонимов было результатом специфической стратегии управления лагеря, которому нужно было показать «внешней публике», что авторов в соловецкой печати было много. Это, безусловно, убедительное объяснение, однако нам кажется, что есть и другое. На самом деле, зачем начальники лагеря «создавали» авторов, если СЛОН был полон интеллектуалов, которых они могли нанять в любое время? Изучение биографий авторов, использовавших псевдонимы в соловецкой печати, вызывает и другую интерпретацию этого феномена.

Как упоминалось ранее, во многих случаях невозможно восстановить биографию человека, писавшего под псевдонимом в советской лагерной прессе. В тех редких случаях, когда это удается, можно отметить интересные детали, касающиеся интеллектуальной биографии таких людей. Надо сказать, некоторые из раскрытых псевдонимов подтверждают то, о чем написал Чекмазов в вышеупомянутой статье. Так было с латвийским узником лагеря Тибериусом Тверосом, автором многих публикаций в ранние годы соловецкой печати под псевдонимами «Тиберий», «Т.Тверье» и «Тверье» (и, возможно, под другими). Так было и с русским поэтом и писателем Борисом Николаевичем Ширяевым. За время пребывания в лагере Ширяев использовал и собственное имя, и псевдонимы «Акар», «Акаревич», «Акарский» и «Сергей Акарский»⁵. Другие случаи, по-видимому, опровергают тезис Чекмазова. Среди них – история Бориса Глубоковского, использовавшего во время пребывания в Соловецком лагере псевдоним «Борис Емельянов».

Борис Александрович Глубоковский родился в Москве в 1894 (1895?). Окончил юридический факультет Московского университета, начал блестящую карьеру юриста, но ушел в театр: служил в театре Корша, в Камерном театре Таирова; был близок с имажинистами. После революции опубликовал несколько литературных произведений в разных журналах под псевдонимом «Борис Веев». 1 ноября 1924 Глубоковский был арестован и приговорен КОГПУ 27.03.1925 «за участие в контрреволюционной организации, террористических актах и шпионаже» к 10 годам концлагеря (в рамках так называемого дела об «Орденах русских фашистов», что привело к расстрелу поэта Алексея Ганина). В 1929 «разгрузочная комиссия» сократила срок с 10 до 8 лет. В 1930 вместе с руководством

³ См.: Ширяев Б.Н. Неугасимая лампада. М., 1991. С.121–122; Эйхманс Ф. К вопросу о лагерной общественности // Соловецкие Острова. 1925. №4–5. С.38–40; Письмо начальника управления СЛОН Ф.И.Эйхманса Наркомвнуделу РСФСР Главумзак (25.3.1926). ГАРФ. Ф.4042. Оп. 4. Д.126. Л.28. Более подробное описание культурной истории Соловецкого лагеря см.: Gullotta A. Intellectual Life and Literature at Solovki 1923–1930: The Paris of the Northern Concentration Camps. [Гуллотта А. Интеллектуальная жизнь и литература на Соловках 1923–1930 гг.: Париж северных лагерей]. Cambridge, 2018.

⁴ Чекмазов А. О соловецкой прессе // Новые Соловки. 1925. №30. С.3.

⁵ 12 апреля 1925 Ширяев опубликовал короткий текст за подписью «Б.Акаревич-Ширяев», в котором дистанцировался от коллектива «ХЛАМ». См.: Акаревич-Ширяев Б. Письмо в редакцию // Новые Соловки. 1925. №15 С.4.

лагеря уехал в Кемь, в 1932 освобожден, переехал в Москву, вновь поступил в Камерный театр⁶. Реабилитирован по делу 1924 года Главной военной прокуратурой 30.11.1993.

Прибыл Б.А.Глубоковский на Соловки в мае 1925 и сразу стал одним из ключевых деятелей культуры лагеря – работал в театре, публиковал стихи, рассказы и очерки в журналах и газетах, был одним из важнейших членов коллектива «ХЛАМ». С самого момента прибытия на острова Глубоковский стал главным двигателем того, что мы назвали бы **«соловецким культурным переворотом»** под эгидой Ф.И.Эйхманса. Драматург, актер, писатель, журналист, этнограф, Глубоковский использовал поэтический псевдоним «Борис Емельянов». Борис Емельянов стал поэтическим исполнителем культурной программы Б.А. Глубоковского, для которого искренность – самый главный аспект соловецкого искусства. Емельянов/Глубоковский – автор довольно смелых стихов/песен в культуре Гулага:

«Всех, кто наградил нас Соловками,
Просим, приезжайте сюда сами,
Посидите здесь годочков три иль пять –
Будете с восторгом вспоминать»⁷.

«Я стихи не пишу для редакций
Лишь для тех, кто поймет строчек рать...
Мне на золото тысячи акций
В эту синюю ночь наплевать!»⁸

«Буду всегда поэтом,
Я, не согнувший плечи»⁹

Газета «Новые Соловки» и журнал «Соловецкие острова» в 1927–1929 не выходили. Незадолго до прекращения этих изданий – в 1926 – многие их авторы были досрочно освобождены. Глубоковский – единственный из постоянных авторов соловецкой печати, которого не освободили досрочно. Когда в 1929 публикации на Соловках возобновились после перерыва 1927–1929, имена «Глубоковский» и «Емельянов» больше не появлялись среди авторов (о причинах этого феномена пишем дальше). Глубоковского перевели в Кемь. О его дальнейшей судьбе можно только строить предположения. Умер, по одной версии, от наркомании, по другой – отравился морфием в больнице, по третьей – покончил с собой в ссылке в Сибири в 1937¹⁰. **Насколько мне известно, последние «Новые Соловки» вышли в декабре 1926, а значит, перерыв был 1927–1929. Точнее, перерыв был такой: последний (7-ой) номер «С.О.» вышел в июле 1926-го года, первый нового «С.О.» вышел в августе 1929-го года; последний «Н.С.» вышел 12-го декабря 1926-го года (т.е. ещё до конца года должны были выходить и два-три номера), первый нового «Н.С.» вышел 5-ого января 1930 года.**

Другой, менее важный, но все же интересный автор Соловков – это Макс Кюнерт (настоящее имя – Макс Николаевич Гинценберг). Гинценберг родился в 1906 в Москве. С 1924 работал журналистом в газете «Молодая рать» под псевдонимом «Макс Московский»¹¹. Издал на свои деньги три книги стихов под псевдонимом «Макс Кюнерт». Первая книга, составленная из «эротических стихов», «Голубой слон» (1924), была запрещена Главлитом. «Эгофутуристические»

⁶ Марков В. Гостиница для путешественников в прекрасном: Из книги «Очерк истории русского имажинизма» // Звезда. 2005. №2. С.211–219. См. также: Борис Глубоковский (псевд. Борис Веев), Уездный Оскар Уальд. Рассказ РГАЛИ. Ф.1345. Оп. 1. Ед. хр. 141; Амфитеатров-Кадашев В.А. Страницы из дневника / Публ. С.В.Шумихина // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 20. М.; СПб, 1996. С.515.

⁷ Емельянов Б. Море Белое – водная ширь // Тюкина С. Теперь вы в Соловках (лирика времен СЛОНа) // Соловецкое море. 2003. №2. С.181.

⁸ Емельянов Б. Перед утром // Соловецкие Острова. 1925. №8. С.5.

⁹ Емельянов Б. Отрывки из поэмы // Соловецкие Острова. 1926. №1. С.43.

¹⁰ См.: Амфитеатров-Кадашев В.А. Указ. соч.

¹¹ См.: Писатели современной эпохи. Био-библиографический словарь русских писателей XX века / Под ред. Б.П.Козьмина. М., 1991. (Репринт издания 1928 года). Т.1. С.158–159. См.: <https://qps.ru/AM4IJ>.

сборники «Желтая сирень» и «Чудесное кольцо» он издал за свой счет в 1926¹². В них Кюнерт предчувствовал свою судьбу:

«Сколько раз по знакомой дороге
Возвращаясь из клуба домой,
Я просил Вас, жестокие боги,
Не шутить так жестоко со мной»¹³.

Весной 1929 Макс Гинценберг готовил к изданию свой четвертый сборник – «Муза на время». 2 апреля его арестовали. В СЛОНе сотрудничал с лагерными изданиями и опубликовал несколько стихотворений под псевдонимом «Макс Кюнерт». В них иронично рассмотрел свои предарестные мечты:

«Аляска... Джек Лондон... И золотая звон...
И виски... И вьюга... И ветер...
О, юношеский увлекательный сон
за книгой, при ласковом свете...
О, юношеский увлекательный бред!
Желанье скитаний, лишений и странствий,
<...>
Какая наивнейшая мечта.
Что Север? – Лишенья, борьба да удача...»¹⁴

Освобожденный в 1931, Кюнерт жил в ссылке в пос. Мадмас (республика Коми). Повторно арестован 8 декабря 1937, по ст. 58-10 приговорен к ВМН, расстрелян в Ухтпечлаге 1 марта 1938.

Мы видим два разных мотива использования псевдонима: Борис Глубоковский, находясь в лагере, решил отказаться от литературного псевдонима, который он использовал до ареста («Борис Веев»), и создал новый («Борис Емельянов»). Макс Гинценберг решил опубликовать свои тексты в журналах Соловецкого лагеря, используя тот же псевдоним, который он использовал в своей литературной деятельности до ареста («Макс Кюнерт»). Нам кажется, что именно этот факт доказывает, что использование псевдонимов было не только результатом политических действий со стороны администрации лагеря, но и личных эстетико-биографических решений авторов.

Анализируя действия Глубоковского и Кюнерта, в частности их литературную деятельность до и во время пребывания в лагере, можно сказать, что на выбор псевдонима оказали влияние эстетические, личные и политические вопросы, тесно связанные с саморепрезентацией, – на самом деле, во многих случаях использование псевдонима связано с вопросом идентичности. Автор решает использовать псевдоним и именно этим конкретным жестом заявляет о своем существовании как «авторского существа» отдельно от конкретного, «исторического» человека. Его жест обозначает **ясное осознание себя как автора**: это почти божественное, мифотворческое действие.

Макс Сандерс пишет, что у решения использовать псевдоним есть и другие причины: это может происходить по личным причинам (например, автор не хочет раскрывать личную информацию) или для маркетинга – когда, например, автор хочет использовать новое имя, чтобы указать, что это новый, «свежий» автор¹⁵. Скорее всего, у Гинценберга и Глубоковского были подобные соображения, когда они решили писать под псевдонимами на воле. Однако в лагере эти причины были у них разными. Как сказано выше, Глубоковский стал одним из «строителей» культуры СЛОНа. Он отказался от своего старого псевдонима «Веев» и принял новый. Глубоковский написал еще и «автофикшн» на основе своего опыта во время революции – под своим собственным именем.

¹² Кюнерт М. Желтая Сирень. М., 1926; Он же. Чудесное кольцо. Поэзия. М., 1926.

¹³ Кюнерт М. Сколько раз // Желтая сирень. Указ. изд. С.5.

¹⁴ Кюнерт М. Стихи (Не ценишь звезд. Аляска) // Соловецкие Острова/ 1929. №2. С.17.

¹⁵ Saunders M. Self Impression: Life-Writing, Autobiografiction and the Forms of Modern Literature [Сандерс М. Самовпечатление: жизнеописание, автобиографикшн и формы литературы модернизма], Oxford, 2010. P.112, 113.

Повесть «Путешествие из Москвы в Соловки» рассказывает о герое по имени «Борис» – нет сомнений, что у персонажа кое-какие элементы биографии совпадают с элементами биографии автора¹⁶. Его выбор псевдонима, нам кажется, – явная попытка отказаться от своего художественного прошлого в пользу нового авторского «я». Рожденный в СЛОНе, новый авторский «я» Глубоковского проецируется на будущее – Глубоковский напоминает о своём собственном прошлом только как основе его идеологической пригодности к новой жизни. В некотором смысле позиция Глубоковского идеально вписывается в процесс переписывания собственной жизни во время сталинизма, описанный Йохеном Хеллбеком. Немецкий историк обнаружил, что тексты о себе («эго-документы») часто свидетельствуют о вере в советское государство, несмотря на пережитые на собственном опыте преследования или репрессии. Авторы советских эго-документов часто отличает стремление предоставить доказательства того, что они вписываются в советскую идеологическую структуру¹⁷. Вероятно, культурная карьера Глубоковского в СЛОНе может рассматриваться как попытка другого подхода к его новому контексту и что его новый псевдоним – это его «эстетическая мера лояльности» к партии. Не случайно Борис Емельянов «умирает» после досрочного освобождения большинства писателей – коллег Глубоковского. После того, как его надежды на освобождение и, возможно, на будущую художественную карьеру вне лагеря не оправдались, «множественные “я”» Глубоковского потеряли все свое значение и исчезли¹⁸.

Мотив выбора псевдонима Гинценбергом совершенно противоположен мотивам Глубоковского. Когда ему предоставилась возможность опубликовать стихи за колючей проволокой, он решил использовать именно тот псевдоним, который использовал на воле. Этот выбор, нам кажется, касается и идентичности, и эстетики автора: человек Макс Гинценберг (точнее, узник Макс Гинценберг) представляет себя как автора, как Макса Кюнрета. Таким образом, он подтверждает свое собственное **самоощущение, осознание себя как поэта**. И не просто поэта, а поэта, чьи взгляды на жизнь, по всей вероятности, привели его к аресту: в отличие от Глубоковского, его выбор псевдонима является результатом заявления, сделанного «в настоящем» на основе прошлого автора – здесь нет ничего о будущем. Такой же акт совершен и другими писавшими под псевдонимами авторами СЛОНа, такими, как Юлия Данзас / Юрий Николаев и Владимир Свешников / Кемецкий. Другими словами, этим же действием Кюнрет и другие авторы сформулировали свою позицию и как авторы, и как люди – т.е. используя тот же творческий псевдоним, что на свободе, они декларировали, что и за колючей проволокой они остались теми же авторами, что и на воле, то есть теми же людьми, которых арестовали. Этот акт является сам по себе **актом культурного сопротивления на пересечении исторической и творческой биографии**.

Изучение псевдонимов, использованных узниками ГУЛАГа в лагерной печати, как видно, может помочь прояснить в биографиях авторов много аспектов, которые часто недоступны ни в архивных документах, ни в мемуарах. Проанализированные здесь казусы Глубоковского и

¹⁶ Глубоковский, Б., *Путешествие из Москвы в Соловки* // «Соловецкие Острова», № 10–11, 1925, с. 5–16; № 12, 1925, с. 3–9; № 1, 1926, с. 24–42; № 2–3, 1926, с. 41–71; № 4, 1926, с. 80–101; № 5–6, 1926, с. 46–69; № 7, 1926, с. 60–73.

¹⁷ См.: *Hellbeck J. Writing the Self in the Time of Terror: Alexander Afinogenov's Diary of 1937* // *Self and Story in Russian History* / Ed. by L.Engelstein and S.Sandler [Написание о себе во время Большого Террора: Дневник Александра Афиногенова от 1937 года // «Я» и писание в русской истории/ Редакторы Л.Энгельштейн и С.Сандлер]. Ithaca&London. 2000. P.69–93; *Hellbeck J. Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts* [Работа, борьба, становление: автобиографические тексты сталинской эпохи] // *The Russian Review*. 2001. №60. P.340–59; *Hellbeck J. Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin* [Революция в моем сознании: Ведение дневника при Сталине]. Cambridge&London, 2006.

¹⁸ Тут мы используем термин «множественное “я”», ссылаясь на теорию Сюзанны Налбантян об эстетической автобиографии, которая, как объяснила Клаудия Кривеллер, может применяться к эго-документам в репрессивных контекстах. См.: *Nalbantian S. Aesthetic Autobiography: From Life to Art in Marcel Proust, James Joyce, Virginia Woolf and Anaïs Nin* [Налбантян С. Эстетическая автобиография: от жизни к искусству у Марселя Пруста, Джеймса Джойса, Вирджинии Вулф и Анаис Нин]. New York, 1994; *Criveller C. «Io sono il padrone del mio sogno»*. Evgenij Charitonov e la letteratura del sottosuolo come costruzione dell'io [Кривеллер К. «Я хозяин своей мечты». Евгений Харитонов и литература подполья как конструкция самости] // eSamizdat. №8. 2010–2011. P.119–33.

Гинценберга показывают, что за использованием псевдонимов есть причины, выходящие за рамки исторической биографии. Печать советских лагерей является одной из наименее изученных аспектов Гулага. Данной статьей мы приглашаем коллег исследовать эту тему, чтобы еще больше углубить наше понимание истории, культуры и социологии советских лагерей и восстановить как можно больше биографий, выходя за рамки исторического факта.